Почему мы не экуменисты? — Да потому, что нашу веру, *однажды* преданную святым (Иуд. 1,3), дал людям тот, кто *однажды* принес в жертву Себя Самого (Евр. 7, 27): Христос, Который «вчера и сегодня, и вовеки тот же» (Евр. 13, 8). Христос создал апостольскую Церковь. И поныне Он с нею же. Церковь Христа отделена от мира не для того, чтобы горделиво превозноситься над ним, а для того, чтобы хранить в себе дар, который сам мир (в том числе мир человеческих религий) создать не может. Ощущение нерукотворенности Православия до сих пор живо в Церкви. И пока оно живо — люди не чувствуют себя хозяевами в церковном доме и не могут по желанию газет и общественных мод заключать унии и производить перестройки. Но свою Церковь Бог изъял из нашего ведения. Это — Его Церковь, а не наш кооператив. И потому мы изъяты из-под оброка смерти. Пасха возможна потому, что ее творит Бог, а не мы. Ради радости Пасхи мы согласились быть рабами Божьими, согласились быть служителями в доме Его, а не полновластными владыками нашей религиозной жизни. Торжество экуменизма означало бы, что мы перестроили Церковь в соответствии с земными нуждами. Это означало бы, что Церковь отныне не Тело Христово, а обычное человеческое собрание, вечно терзаемое спорами о собственном регламенте. А значит, Пасха нас больше не радует и не обнадеживает. А для тех, кто не радуется Пасхе, ее и не бывает. Воскресение Жизни для них становится воскрешением Суда. Так что вопрос «православная церковь и экуменизм» для нас означает выбор: Радость Пасхи или экуменическое реформаторство. Причастие Христу или будни «экуменических контактов». Так надо ли христианину превращаться в «контактера»?

Диакон Андрей Кураев

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ